

ихъ грязныя политическія махинаціи, онъ говоритъ: „толпа инсургентовъ продолжала свой геройскій походъ. Дыханіе эпопей, увлекшее Мьетту и Сильвера, пронеслось съ священнымъ величіемъ далѣе, мимо постыдной комедіи Маккаровъ и Ругоновъ“.

Перечисленіе, какое дѣлаетъ Сильверъ, когда мимо него дефилировали контингенты городовъ, напоминаетъ собою вполнѣ многія мѣста изъ Иліады Гомера: „Вотъ—корабли города Дименіона, а эти изъ Гипереи многоводной; тѣ—отъ города Астеріона и отъ Титаноса, сіяющаго блескомъ своихъ известковыхъ холмовъ. Всѣми ими начальствуетъ Эвритисъ“—и т. д. Провансальскіе рабочіе, освѣщенные лучами героевъ Иліады,—вотъ это-то и составляетъ долю „темперамента“ въ произведеніи Золя; его картину никакъ нельзя принять за исключительное воспроизведеніе „природы“. Тутъ уже не романтизмъ, какимъ украсилъ авторъ предыдущую картину; это чисто-классическій стиль.

Впрочемъ, аналогія между „Ругонами“ и повзвѣю древней Эллады не ограничивается однимъ тѣмъ, что нами указано выше. Кровавымъ расправамъ „декабрьскаго переворота“ Золя противопоставляетъ еще идиллію любви. Опираясь на собственныя юношескія воспоминанія, онъ хотѣлъ создать въ новомъ родѣ нѣчто подобное извѣстной древней греческой новеллѣ о Дафнисѣ и Хлоѣ. Ясно видно, какъ эта послѣдняя отражается въ разсказѣ; впрочемъ, и самъ Золя какъ бы сознается, что у него имѣлась въ виду та новелла. Въ самомъ началѣ разсказа онъ говоритъ, что молодые люди переживали ту идиллію, какая встрѣчается теперь въ одномъ рабочемъ классѣ, гдѣ можно еще наблюдать первобытную любовь древнихъ греческихъ новеллъ,—и то же повторяетъ въ концѣ. Едва ли можно, въ самомъ дѣлѣ, назвать подражаніемъ „природѣ“ картинку, изображающую двухъ бѣдныхъ дѣтей Прованса нашего времени въ стилѣ буколическихъ разсказовъ древнихъ грековъ. Личная своеобразность автора, обогащенная и доразвита школьною образованностью (а вовсе не исключительно „темпераментомъ“), обнаружила во всемъ этомъ сильное вліяніе съ своей стороны.

Въ древнихъ греческихъ разсказахъ, всю ихъ прелесть и весь интересъ составляетъ то, что въ нихъ любовь пробуждается въ сердцѣ двухъ дѣтей едва-едва замѣтно. Страсть рождается и овладѣваетъ ими безъ ихъ вѣдома. Хлоя купается въ присутствіи Дафниса; оба они спятъ на одной и той же козьей шкуркѣ, не испытывая вовсе какого-нибудь непреодолимаго влеченія другъ къ другу.

Золя придавъ идилліи отъ себя новую прелесть, новый фа-